

Михайлова Елена Николаевна

[ПРИНЦИП VARIETAS В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-161. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81-112.2

Елена Николаевна Михайлова
Белгородский государственный университет

ПРИНЦИП *VARIETAS* В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ[©]

Несмотря на обилие работ, посвященных культуре Возрождения, и неоднократные попытки проникнуть в тайну ее творческой лаборатории, исследований, посвященных ей, не становится меньше. В истории науки многие ученые пытались сформулировать точное и емкое определение для этой культуры, дать непротиворечивую ее оценку, вывести своего рода универсальный код для ее понимания. Однако для многих поколений ученых эта проблема так и осталась неразрешенной, что во многом предопределено сложностями и противоречиями самой эпохи Возрождения, изобилующей парадоксами. По-своему отражено это положение вещей в высказывании Б. О'Келли: «Нет истины о Ренессансе, есть истины» [5, р. 5].

Поиск ключевого для этой культуры понятия, сквозь призму которого можно было бы высветить ее природу и присущий ей строй мышления, привел к многочисленным исследованиям о «доблести» (*virtus*), «подражании» (*imitatio*), «фортуна» (*fortuna*), «гуманизме» (*humanitas*) и др. Первым, кто обратил внимание на возможность объяснить специфику Возрождения через понятие «разнообразие» или «варьета» (*varietas*, *varietà*), стал Л. М. Баткин, увидевший в этом слове одну из ключевых категорий ренессансной культуры [1, с. 69]. Никто из исследователей до него не усматривал в этом понятии коренную мировоззренческую проблему, а между тем, как убедительно показывает ученый в своем капитальном исследовании, посвященном творчеству Леонардо да Винчи, оно тесным образом связано с эстетикой, философией, онтологией, всем стилем ренессансного мышления.

Будучи заимствованным итальянскими гуманистами из цicerоновской риторики, понятие *varietas* вошло в обиход и получило свое воплощение как универсальная категория ренессансной культуры благодаря трактату Леона Баттиста Альберти «О живописи» (1435). При этом, как замечает Л. М. Баткин, онтологическая сущность данного понятия у Альберти и его последователей вышла далеко за рамки живописи, став эпохальной мыслительной установкой Ренессанса [Там же, с. 105]. Достаточно вспомнить о том, какое место отводили принципу *varietas* художники и теоретики живописи, сколь ощутимо присутствие «разнообразия» жанров, сюжетов, художественных средств в литературе, насколько широко представлено это понятие в философии, истории, естествознании, буквально во всех сферах, затронутых гением титанов Возрождения.

Своеобразное воплощение понятие *varietas* получило в филологических изысканиях гуманистов, являющихся неотъемлемой составляющей ренессансной культуры. Как известно, «жажда словесности» (*aviditas litterarum*), охватившая европейских интеллектуалов, привела к тому, что знание языков считалось тогда одним из важнейших признаков образованности. При этом в числе подлежащих обязательному изучению были как языки классической древности, так и живые языки. Не случайно эпоха Возрождения стала, по выражению С. Ору, подлинной эпохой грамматизации языков мира [2, р. 5-6], дав первые образцы описания языков, на которых говорила Европа, а также языков мира, сведения о которых европейцы получили благодаря Великим географическим открытиям.

Французские гуманисты достаточно рано включились в процесс грамматизации, в результате чего в течение нескольких десятков лет были заложены основы национальной лингвистической традиции, идеями которой еще долго подпитывалась европейская лингвистика.

Свое воплощение принцип *varietas* в рамках данной традиции получил прежде всего в языковой программе, на реализацию которой были направлены усилия французских гуманистов. Среди проблем, занимавших их внимание, наиболее остро стояли такие, как изучение языков классической древности, борьба с засильем латыни в различных сферах жизни общества, создание теории национального литературного языка, национальной грамматики и словаря, постановка и решение вопросов родства и изменчивости языков и др.

По-своему представлен принцип *varietas* в лингвистических трудах, ориентированных на канонические работы античности и итальянского Возрождения. Среди наиболее часто цитируемых авторов значатся Варрон, Квинтилиан, Хрисипп, Диомед, Аристарх, Кратет, а также Данте, Валла, Сперони и др. Эта жажда гуманистов все объять и все объяснить подчас приводила к эклектичности в изложении рассматриваемых ими вопросов, за что гуманистов не раз упрекали ученые XIX-XX вв. Между тем, как замечает Л. М. Баткин, «разнообразие» может осуществляться лишь в форме перечня, логический смысл которого состоит в возможности перехода от одного к другому [1, с. 129]. Именно поэтому в работах гуманистов перечисление подчас заменяет описание явления и как бы снимает вопрос о необходимости объяснения того, что представлено в перечне. Так, обращаясь к рассмотрению вопроса о сущности частей речи, в большинстве своем авторы грамматик ограничиваются их простым перечислением. Так, Жак Дюбуа, автор первой французской грамматики пишет: «Частей речи, как в латинском, так и в галльском восемь: имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог и междометие» [4, р. 90]. Аналогично через перечень представлены в работах многих авторов грамматические категории частей речи, а подчас и правила сводятся к простому перечислению примеров. В основном такая манера подачи материала характерна для элементарных руководств по языку (так называемых «элементарных грамматик»).

Еще одним примером воплощения принципа *varietas* в ренессансной системе знания о языке является использование в качестве иллюстративного материала при описании родного языка многочисленных примеров из других языков. Как известно, в роли языков-эталонов выступали латинский и греческий языки, в то же время в руководствах по французскому языку приводились многочисленные параллели с живыми языками (итальянским, английским, немецким и др.). Двухязычные (или «переводные») парадигмы стали в то время непременным атрибутом грамматического описания любого языка. Именно поэтому лингвистическое наследие Ренессанса можно рассматривать как прообраз сравнительно-исторической парадигмы в европейской лингвистике.

Отражением универсальности принципа *varietas* в лингвистической традиции эпохи Возрождения являются также обилие разнообразных учебных пособий и словарей, увидевших свет в то время: это и традиционные учебные пособие (так называемые «донаты»), и элементарные руководства по языку (*Rudimenta*), и многоязычные разговорники, и серьезные трактаты, составляющие сокровищницу французской ренессансной лингвистической мысли.

Наконец, различные подходы к решению ключевых проблем языковой программы, а также многообразие способов систематизации и категоризации описываемых языковых явлений, предложенные французскими гуманистами, позволяют говорить о создании самобытной традиции, богатой новаторскими идеями и оригинальными авторскими концепциями. К наиболее значимым для становления и дальнейшего развития традиции принадлежат концепции Луи Мегре, Робера Этьена, Антуана Коши, Анри Этьена, Пьера де ла Раме, Шарля Мопя.

Воплощением квинтэссенции принципа *varietas* в преломлении к языку является трактат Шарля де Бовеля «*Liber de differentia vulgarum linguarum et Gallici sermonis varietate*» (О различии народных языков и разнообразии французского языка). В истории французской научной традиции де Бовель (1479-1566) известен прежде всего как талантливый математик, теолог и философ. Размышления о языке для него, как и для многих гуманистов, интересны в связи с необходимостью постижения человека как части мироздания.

Грамматика Жака Дюбуа (1531) и трактат де Бовеля являются первыми описаниями французского языка, созданными во Франции. Между тем эти две работы отличаются как по замыслу, так и по форме: если у Дюбуа отчетливо прослеживается попытка описать французский язык по образу и подобию латыни, то де Бовель изначально ставит перед собой в качестве задачи не описание языка, а размышление о его природе, его изменчивости и «разнообразии». Как видно уже из самого названия данного трактата, ключевыми для его автора понятиями являются близкие по значению, но, тем не менее, не идентичные термины, *differentia* и *varietas*.

Идеи, которые де Бовель высказывает в своей работе, во многом созвучны идеям его современников. Прежде всего, это глубокое убеждение в том, что любое изменение языка есть не что иное, как его порча, и что поиски каких-либо правил в «вульгарных языках» бесполезны и бессмысленны. Именно на этом основании долгое время в среде гуманистов бытовало мнение о невозможности создания грамматических описаний для «вульгарных», т.е. живых языков. История лингвистической традиции во Франции служит ярким тому подтверждением: до 1550 г. было создано лишь одна работа, дающая описание строя французского языка - грамматика Жака Дюбуа (1531). И только после выхода в свет грамматики Луи Мегре (1550) начался подлинный всплеск грамматизации французского языка, результатом чего стали многочисленные работы представителей позднего Возрождения, заложивших основы французской национальной грамматической традиции (Жан Пилло, Альбер Коши, Пьер де ла Раме, Жан Гарнье, Робер и Анри Этьены, Жан Боске, Шарль Мопя).

Работа де Бовеля стоит особняком в лингвистическом наследии французского Возрождения именно потому, что это не грамматика, а трактат, посвященный, как замечает сам автор, «размышлениям о языке», причем «размышлениям, не имеющим большой пользы» [3, р. 3]. Де Бовель обращается к решению вопросов, составлявших основу гуманистической программы в сфере знания о языке: это проблема происхождения французского языка, вопрос о его связи с латинским и другими европейскими языками. Ведущее же место в его трактате занимает поиск причин языковой вариативности, что дает основание говорить о де Бовеле и как о теоретике языка, и как об ученом, стоявшем у истоков экспликативного языкознания.

Обращаясь к выявлению причин многообразия языков, де Бовель замечает: «Вульгарные языки, в которых нет никаких правил или предписаний ни в своем развитии, ни в архетипе, портят и разнообразят народные слова под воздействием места, времени и расположения планет» [*Ibidem*]. Как бы ни были непривычны, а подчас и наивны с позиций современной лингвистики рассуждения автора XVI века относительно причин языковой изменчивости и вариативности, в основе своей они абсолютно верны, что подтверждено как ставшими хрестоматийными, так и сравнительно недавними научными достижениями в области языкознания.

Достаточно скрупулезный очерк французского языка, насыщенный сведениями по истории и географии, истории культуры и этнографии, грамматики и этимологии, получивший свое освещение в работе Шарля де Бовеля, свидетельствует о том, что в его работе была предпринята попытка выявить не одну причину, а совокупность причин, обеспечивших «разнообразие» мира родного языка. Нельзя не увидеть того, что работа, посвященная исключительно вопросам языка, синкретична по своей сути, поскольку затрагивает актуальные для того времени вопросы, использует широкий пласт научных данных, задействует внушительный языковой материал, ни до, ни после де Бовеля не подвергавшийся рассмотрению.

Итак, обращение к рассмотрению места, которое принцип *varietas* занимал в лингвистических воззрениях французских гуманистов, дает основание говорить о том, что он служило для них своеобразным ключом для понимания многообразия языков мира и разнообразия мира родного языка. Что касается работы де Бовеля, то ее с полным основанием можно рассматривать как средоточие категории *varietas* в системе ренессансного знания о языке.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.
2. Auroux S. La philisophie du langage. P., 1996.
3. Bovillus Carolus. Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum. Parisiis, 1533.
4. Dubois Jacques (Sylvius Jacobus Ambianus). In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica. Parisiis, 1531.
5. The Renaissance. Image of Man and the World / ed. by B. O'Kelly. Athenes, 1966.

УДК 81'44

Зоя Геннадьевна Набережнова

Государственный университет - Высшая школа экономики, г. Москва

АДЪЕКТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ В СУБЪЕКТНЫХ,
ОБЪЕКТНЫХ И ПРЕДИКАТИВНЫХ ГРУППАХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)[©]

Время - универсальная междисциплинарная категория, изучаемая разными науками. Лингвистическое время многообразно в своем проявлении и передается не только временными формами глагола, но и неглагольными средствами. В каждой части речи имеются лексико-семантические группы с темпоральным значением.

При исследовании неглагольных средств выражения временных отношений целесообразно выделить три плана анализа: план содержания, план выражения и план функционирования.

В плане содержания на поверхностно-семантическом уровне прилагательные выражают значения предшествования, одновременности, следования. На глубинно-семантическом уровне выявляется соотношение времени действия и точки отсчета (*nunc* - лат. «сейчас», *tunc* - лат. «тогда»), в связи с чем все неглагольные временные показатели делятся на *нонкальные*, выражающие временное значение относительно точки отсчета «сейчас» (*une conversation récente*), *тонкальные*, указывающие время действия относительно точки, отличной от момента речи (*une décision préalable*), и *нейтральные*, способные локализовать действие относительно обоих точек (*l'ancien médecin*).

План выражения характеризует внешнюю структуру временных компонентов и их сочетаемость с другими частями речи. Прилагательное времени со значением предшествования участвует в речи только в составе именной группы [N(t)+Adj], которая может выступать в функции субъекта, объекта:

sa beauté passée me plaisait / мне нравилась ее бывшая красота,

или в составе составного именного сказуемого:

son père est l'ancien directeur de l'école / его отец - бывший директор школы.

Некоторые прилагательные со значением предшествования могут функционировать в качестве предикативного определения: *Cette histoire est ancienne. Эти данные предварительны.*

В субъектных и объектных структурах базовым именным элементом может быть темпоральное, чаще нетемпоральное существительное: *Une décision préalable sur ce problème a été prise / По этому вопросу было принято предварительное решение.*

В предикативной группе в качестве базового компонента выступают только существительные с невременной семантикой: *C'est une conclusion prématurée.*

Адъективно-именная структура [N(t)+Adj] может расширяться при помощи оценочных наречий, привносящих в эту структуру конкретизирующие значения: *immédiatement précédent.*

Прилагательные со значением предшествования, участвующие в субъектно-объектных и предикативных группах во французском и русском языках: *passé, ancien, préalable, prématuré, préliminaire, antécédent, anticipé, premier, révolu, écoulé, vieux, antique, précoce, antérieur, récent, reculé / прошлый, прошедший, былой, минувший, бывший, древний, последний, предварительный, преждевременный, досрочный, первый, ранний, старый, древний, прежний, давний, недавний.*